

Казнить нельзя помиловать

> Перед выбором, где поставить запятую в этом предложении, стоял Рудольф Гун

ПРАВО ставить этот знак препинания в 1992 году получила созданная при президенте России комиссия по вопросам помилования. В ее состав вошли люди, обладавшие солидным авторитетом в обществе: писатели Анатолий Приставкин, Фазиль Искандер, Лев Разгон, Булат Окуджава, журналист «Московских новостей» Евгений Альбан, священник Александр Борисов. 13 человек. Разыскать полный список первого состава комиссии оказалось делом нелегким.

Первые годы существования комиссии информация о ее составе и деятельности была секретной. Все мои попытки найти в Интернете распоряжение президента о создании комиссии и ее членах оказались напрасными. И все-таки я нашла эту информацию. В Магнитогорске, в городском архиве. Каким образом распоряжение президента России с грифом «Не для печати» оказалось так далеко от столицы? Оно хранилось в личном фонде заслуженного врача России, почетного жителя Магнитогорска Рудольфа Гуна, работавшего в этой комиссии четыре года.

Как провинциальный врач попал в одну компанию с известными всей стране людьми? Проведя расследование, я узнала немало интересных и значительных фактов политической жизни Рудольфа Семеновича.

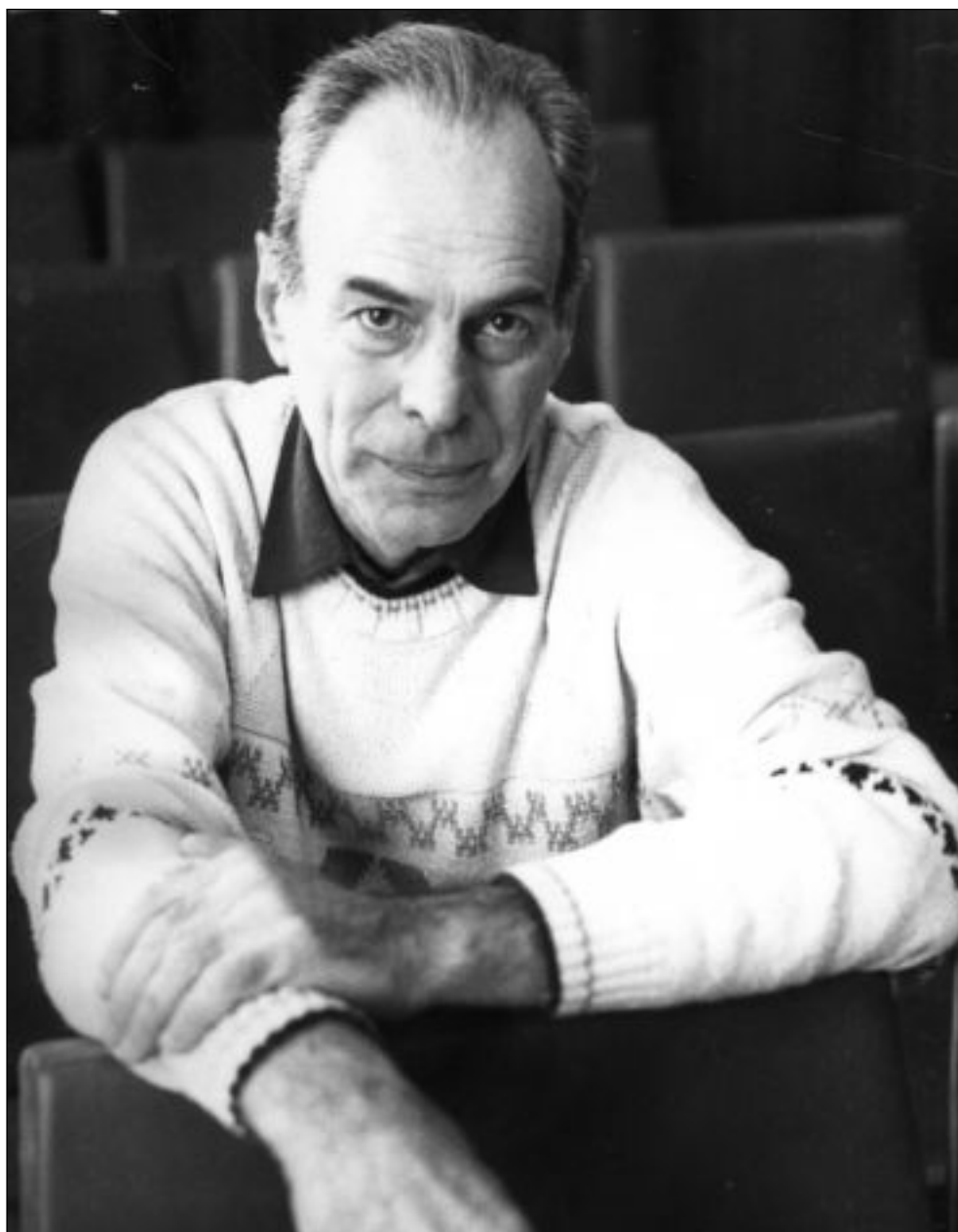
Как известно, в 1990 году он был избран народным депутатом Верховного Совета России. Причем – с большим отрывом от своих соперников. Магнитка поверила в него безоговорочно и не ошиблась.

В Верховном Совете Рудольф Гун работал так же напряженно, как и за операционным столом. В составе Комитета по охране здоровья, социальному обеспечению и физической культуре он стал одним из главных разработчиков основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, законов «О трансплантации органов и (или) тканей человека», «О донорстве крови и ее компонентов».

Почти сразу же депутат из Магнитки стал членом комиссии по помилованию Верховного Совета. Свое вхождение в эту комиссию в одном из интервью Рудольф Семенович объяснил так: «Первоначально это был обычный человеческий интерес». Тем более, что стать членом комиссии по помилованию мог практически любой депутат Верховного Совета, изъявивший желание. Участие в деятельности этой комиссии было обычной депутатской работой. И там никто не интересовался, почему человек решил посвятить свое время именно этому – из искренних убеждений либо потому, что не нашел себе применения в других местах.

Заместителем председателя комиссии был Анатолий Леонидович Кононов – юрист и человек в высшей степени неравнодушный. Он очень страдал от решений Президиума Верховного Совета – высшей тогда власти, который по давней сложившейся во властных структурах традиции отклонял все предложения о помиловании смертников. И когда в самом начале 90-х бывший диссидент и правозащитник Сергей Ковалев предложил новоиспеченному президенту Ельцину реформировать эту мертвую структуру и создать комиссию по вопросам помилования при президенте России, Кононов стал одним из тех, кто горячо, даже страстно, поддерживал деятельность милосердного органа.

Именно Анатолий Кононов – заметим,

с 1991 года судья Конституционного суда Российской Федерации, хорошо зная Рудольфа Семеновича по совместной работе в прежней комиссии по помилованию, внес кандидатуру врача из Магнитки в состав президентской комиссии. Надо сказать, что первоначально список был большим. В него

Пропуская через душу людские трагедии, они сократили свою жизнь

были включены писатели Борис Можаев, Вячеслав Кондратьев, Алесь Адамович. Каждую кандидатуру подробно обсуждали, просеивали. Кого-то отвергали, кто-то сам отказался. Главный критерий – незапятнанная репутация. И, естественно, личное отрицательное отношение к смертной казни. У Рудольфа Гуна все это было. К тому же, он оказался единственным человеком в комиссии, имевшим двухлетний опыт подобной работы.

Возглавил комиссию писатель Анатолий Приставкин, находившийся в ту пору в зените своей творческой славы. После публикации повести «Ночевала тучка золотая...» его имя было известно любому россиянину. Более того, он вдоволь хлебнул послевоенного детдома с его тюремными порядками и неформальной внутренней иерархией, напоминавшей скорее зону, чем детское учреждение. Иными словами, с одной стороны, этот человек был бесспорной элитой общества, а с другой – пре-

красно знал изнанку жизни, ту самую, с которой ему и предстояло иметь дело.

Спустя семь лет Приставкин написал роман-исследование «Долина смертной тени» – «роман в первую очередь о нравственной стойкости членов комиссии – этого островка милосердия и сострадания посреди океана жестокости, которой переполнена страна. О том, что, не будь этой мудро созданной комиссии, глядишь, «несчастненьким», как издавна называли на Руси арестантов, и надеяться было бы не на что – при нашей-то судебной системе. А впрочем, пусть они даже и виновны по-настоящему: судьба и жизнь у каждого одна, и в нее надо всмотреться, – а кто это будет делать?» (Б. Щеглова, критик, С-Петербург).

Порядок работы комиссии был прост. Каждому миллователю раз в неделю выдавали две папки с делами, он уносил их домой и через неделю приходил на заседание со своими предложениями по каждому ходатайству. В среднем – 200 дел в неделю. Легко сказать – 200 дел, из которых 5–7 «расстрельных». Читать все эти биографии было страшно и тяжело, и многие члены комиссии не выдерживали и уходили, прося прощения у оставшихся. Рудольф Семенович продержался четыре года. Можно предположить, что и Булат Окуджава, и Лев Разгон, и Рудольф Гун в немалой степени сократили свою жизнь, проворачивая через душу людские трагедии.

Погрузиться в атмосферу очень непростой работы комиссии можно, прочитав роман Анатолия Приставкина «Долина смертной тени», в котором есть, конечно, и строчки о Рудольфе Семеновиче:

«... Обсуждение первой же папки смертников сразу перешло в собрание. Психолог и Врач (он же депутат) в один голос утверждают, что комиссия так долго не просуществует, и неизвестно, какой грех больше: отказать в помиловании нескольким злодеям или поставить себя под удар и, в конце концов, уйти в отставку, отдав помилование в такие руки, которые уж точно будут казнить всех подряд. Их оппонентами стали Почтальон и особенно Женя. Она громко заявила:

– Мы не знаем, вообще, будем ли мы существовать в нашей роли через несколько месяцев. Может, нам и не придется ничего решать.

И напрямую к Врачу: «Вы можете своими руками подписать смерть человеку? Можете, да?»

Врач – немолодой, с бледноватым лицом человек. В Верховном Совете добровольно отсиживает за всех на заседаниях, у него целая куча карточек, в том числе и Сергея Ковалева, которыми он голосует. Совестьный, добросовестный, улыбка мягкая, почти виноватая. Он вообще-то неагрессивен, но сейчас полез в бутылку и отвечает Жене довольно твердо: «Да. Могу».

И далее, впервые (всегда бывает что-то впервые) – мы голосуем... «Поднимите руки, кто «за»?» Это за помилование (изнасиловал и убил двух девочек).

Двое: Священник и Врач – голосуют за «отклонение». Их предложение не прошло. Но и за «помилование» не прошло. Весы заколебались... Отложили...»

Несколько дней назад московская племянница Рудольфа Семеновича Наталья Богатырева встретила со Священником из романа Приставкина – отцом Александром (Борисовым). Он, как и в годы работы в комиссии, служит в храме Святых бесребренников Космы и Дамиана в центре Москвы. Вот что Наташа написана в своем письме в Магнитогорск: «Удалось поговорить с о. Александром. Он отслужил всенощную, после службы к нему стали подходить люди – кто за благословением, кто за толкованием трудного места в Евангелии, кто за советом. Я дождалась своей очереди, объяснила, кто и что. Он очень мягко и участливо выслушал мою просьбу, задумался, припоминая, и сказал о Рудольфе Семеновиче немного, но душевно: «Это был замечательный человек! Очень разумный, выдержанный, интеллигентный. Его мнение было важным для остальных членов комиссии, к нему прислушивались». Услышав печальную весть об уходе Рудольфа Семеновича, перекрестился: «Упокой Господи его душу!» Хотелось поговорить еще, но вокруг стояли люди, жаждущие услышать слово пастыря. Отец Александр благословил меня, и я отправилась восвояси»

ИРИНА АНДРЕЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ: В настоящее время идет работа над книгой «Рудольф Гун – врач, политик, человек», в которой будут, в том числе, напечатаны воспоминания людей, хорошо знавших Рудольфа Семеновича: его одноклассников и однокурсников, коллег и учеников, пациентов и родственников. Создатели сборника просят откликнуться тех, с кем работал Рудольф Семенович, его бывших пациентов, друзей и поделиться своими воспоминаниями.

Контактные телефоны: 21-18-91; 8-951-24-24-24, электронный адрес – AndreevaIVSV@yandex.ru.

> Каждому миллователю раз в неделю выдавали папки с «расстрельными» делами